

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 37
doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-194-199

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ БУНТ В ТРУДЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ КВАЗИИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

© *Наталья Николаевна Творогова*
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия.
alex-boy@yandex.ru

Аннотация. Анализируется феномен опошления образования, как реальность современного российского общества. Обозначается наличие трех сообществ участвующих в процессе десакрализации (опошлении) и сакрализации труда преподавателя. Ими являются чиновничье, квазиинтеллектуальное и интеллектуальные сообщества. Доказана направленность первых двух к искоренению сакральной сущности труда преподавателя в силу прагматически технологического подхода к преподавательскому труду. Выявлены фундаментальные принципы противодействия деструктивным факторам десакрализации труда преподавателя со стороны интеллектуалов.

Ключевые слова: чиновник, квазиинтеллектуал, моральное образование, пошлость, святость, философская рефлексия, надзиратель.

Для цитирования: Творогова Н.Н. Экзистенциальный бунт в труде преподавателя в условиях квазиинтеллектуализации образовательного пространства // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 194-199. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-194-199

PEDAGOGY

Original article

Existential rise in the work of a teacher in the conditions of quasi-intellectualization of the educational space

© *Natalya N. Tvorogova*
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation
alex-boy@yandex.ru

Abstract. It is analyzed the phenomenon of education as a reality of modern Russian society. The presence of three communities participating in the process of desacration (shedding) and sacralization of the teacher's work is indicated. They are the official, quasi-intellectual and intellectual communities. The orientation of the first two to the eradication of the sacral essence of the teacher's work has been proved due to the pragmatically technological approach to teaching work. The fundamental principles of counteracting destructive factors of desacralization of teacher's work by intellectuals have been revealed.

Key words: official, quasi-intellectual, moral education, slack, holiness, philosophical reflection, warden.

For citation: Natalya N. Tvorogova Existential rise in the work of a teacher in the conditions of quasi-intellectualization of the educational space. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 90. No 1. P. 194-199. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-194-199

Введение

Труд преподавателя на сегодняшний день опошлен недоверием. Мы находимся в стадии пошлости как общество трансформации или постреволюционное общество. Усугубляется это тем, что на наше преподавательское сообщество обрушились менеджерская, демографическая и информационно-техническая революции с одной стороны, и чиновничья контрреволюция паноптикума – с другой. Пошлость – это недоверие одним и попуститель-

ство в обмане другим, исходящее из смещения до этого разделенных сообществ. Причина господства пошлости в том, что очевидное ограбление будущего уже состоялось и это ограбленное в первую очередь интеллектуально, будущее пришло к ищущему святости в труде преподавателю, подготовленному для работы с иным сообществом учащихся.

Поясним положение ограбления будущего в контексте не тех учащихся, что ожидалось. Преемственность поколений в образовательном пространстве была нарушена появлением сетевого сообщества в качестве посредника самообразования учащихся, однако данное сетевое сообщество не помогает в самообразовании, а становится пародией на него. Согласно мнению Жана Бодрийера учащийся, прибывая в зоне информационной переполненности, ищет интеллектуального комфорта. Этот поиск приводит его к убеждению, что концепт искусственный интеллект состоялся. Если раньше Питирим Сорокин фантастически рассуждал о некой таблетке «Умород», то сегодняшний студент твердо убежден, что сетевое сообщество или виртуальное пространство является неким «Умородом», воплощенным в реальность.

При этом важным аспектом выступает то, что ускользнувший из образовательного пространства учащийся ожидает принуждение преподавателя к прощению этого ускользания. Чиновник, не доверяя преподавателю, полагает, что тот тоже ускользнул и поэтому стремится зафиксировать преподавателя, путем навязывания никому не нужной отчетности по методической исследовательской и преподавательской деятельности. Ошибка чиновника заключается в том, что преподаватель не увлекает учащегося, его с ним просто нет. Поэтому, зафиксированный преподаватель ищет своих учеников вне стен образовательных учреждений, среди осознавших пагубность виртуальной реальности субъектов. Несвобода преподавателя порождает внутренний бунт против симуляции самообразования учащегося, однако в первую очередь преподаватель понимает, что он не пастырь брату своему, да и братства в общем, то нет. Но, к сожалению, такие бунты в сознании чиновника не являются нормой, он полагает их патологический. Самое пошрое явление в образовательной среде – это преподаватель-надзиратель (квазиинтеллектуал), который, как в эксперименте Зимбардо, стал участником надзирающего сообщества. Самое страшное состоит в том, что это опошление вызывает у него удовольствие.

Обсуждение

Чувствуя свое превосходство, квазиинтеллектуал-преподаватель объединяет свои умственные способности с теми возможностями, что предоставляет чиновник и становится не просто надзирателем, а отождествляет себя с преподавателем высшего ранга, неким светилой. Его действия всегда будут направлены на получение от учащегося некоего результата, причем никак не отражающего то, что учащийся понимает истинную цель своего обучения или жаждет его. Этот результат должен будет выразиться в оценочных критериях устанавливаемых чиновником. Результат такого обучения, если его таковым можно назвать, всегда будет существовать, так как в настоящее время бюрократическое господство (сообщество?) не просто процветает, оно пускает корни еще дальше, во все сферы жизни.

Но истинный преподаватель не будет гнаться за тем, чтобы приковать своего ученика, приписывая ему «обязанность» учиться. В первую очередь он раскроет себя для своего ученика как сомневающегося рефлексирующего субъекта, ищущего сакрального. Сакрального в виде жертвы тем, что приносят пошлость и ускользание. Квазиинтеллектуал этой жертвы боится. Боится потому, что он сам будет принесен в жертву как надзиратель и охранитель пошлого невежества или квазиобразования.

Пошлость, если давать ее философское определение, имеет и моральное, и социально-духовное значение. В моральном плане пошлость можно понимать как публичную демонстрацию интимного в унижительной форме. В социально-духовном плане пошлость следует определять как смену жертвы. Например, в образовании в жертву сегодня приносится самообразование и академическая свобода, запрет на вторжение чиновника-надзирателя и бизнесмена в пространство университета. Можно сказать, что образование сегодня представляет собой жертву интеллектуальной культурой в угоду квазиинтеллектуальному эр-

защиты культурному идеалу. Происходит это в том смысле, что расширение образования в российском обществе происходит не в плане собственно расширения доступности образования данному обществу, а за счет расширения квазиобразования.

Пошлая квазиинтеллектуализация в этом квазиобразовании чувствует себя как рыба в воде. Ведь искомая ими власть надзирателя легитимирована тем, что миф о низком качестве образования стал отправной точкой создания инструкций, регламентов и отчетов в коих квазиинтеллектуал чувствует себя наиболее адаптированным и готовым в качестве союзника надзирателя-чиновника экспортировать недоверие к качеству образования. Наряду с этим бунтующий интеллектуал либо уходит, освобождая место, либо превращается в козла отпущения, как иллюстрация «некачественности» прошлой образовательной традиции,

Мы не говорим уже о культурной традиции, о ее передаче не может быть и речи. Чтобы не быть голословными в качестве примера приведем рост нагрузки научно-педагогического состава с одной стороны, и рост требований по научной остротенности и отчетности – с другой. Если раньше нагрузка носила вполне адекватные пределы, и упор делался на индивидуальную работу с учащимся, то сейчас все по-другому, преподаватель не вылезает из аудитории, не успевая даже качественно готовиться к занятиям, уже не говоря о том, чтобы следить за обновляемыми данными наук, входящих в качестве фундамента в преподаваемые дисциплины. А ведь еще Эмиль Дюркгейм предупреждал о необходимости разделения преподавательского и исследовательского труда.

Только квазиинтеллектуал, не испытывающий мук совести за результаты собственного труда, обеспечивает чиновнику убежденность в том, что реформы следует продолжать. Более того квазиинтеллектуал отличается наибольшей мобильностью и скорострельностью в плане научной плодовитости. Для него написать огромное количество статей по разным направлениям не составляет труда. Все в силу его желания как можно быстрее все ополшить, причем такая работа не вносит ничего нового и ценного, а является карикатурной зарисовкой научной деятельности.

Моральное образование, как фундаментальное начало священства труда преподавателя сегодня уже никого не прельщает. Его вообще хотят вытеснить из образовательного пространства в силу его неудобства. Ведь если преподаватель квазиинтеллектуал аморален, то интеллектуал морален, и поэтому он будет заниматься моральным образованием даже тогда, когда надзиратели будут стоять с секундомером и проверять текст лекции или текст плана занятия. Анархия процесса интеллектуального диалога не может быть изжита до тех пор, пока ее пошло не подменяют упорядоченным тестированием или презентационной наглядностью. Той самой наглядностью, когда работа с текстами «вечными по своей сути» заменяется экранным текстом, тем самым текст из вечного переходит в одноразовый экранный текст. Экран презентации ставит новый заслон между подражанием культуре преподавателя и ускользанием в виртуальную реальность учащегося. Непреодолимая стена, так необходимая квазиинтеллектуалу и ничтожная, каковой ее считает преподаватель интеллектуал, уничтожает все попытки уйти от картинного образования. Компьютер, пришедший в аудиторию в виде экрана, позволил квазиинтеллектуалу облегчить труд по маскировке отсутствия в нем хоть какого-то морально-культурного начала.

Причина столь мощного аморального образования заключается в том, что из пространства высшего образования изгнана философская рефлексия. Для квазиинтеллектуала жизнь и мораль разъединены. Он вечно адаптируется и встречает на пороге университета адаптировано-дрессированных обучающихся, готовых к пониманию философии как некой совокупности ярлыков, т.е. к квазифилософии, ополщенной философии без рефлексии. И это правильно, поскольку, по мнению Б. Ридингса «Философская рефлексия не просто упорядочивает факты согласно логическому принципу непротиворечивости; она наполняет их жизнью» [3, с. 109]. Остается только добавить, что философская рефлексия моральна и национальна. Квазиинтеллектуал больше стремится к пошлостному заимствованию извне. Для него нет самобытности внутри и нет самобытности вообще. Это тоже пошлость.

Поэтому основными принципами обретения святости в труде преподавателя должны стать два принципа выдвинутые Б. Ридингсом в результате анализа концепции университета Ф. Шлейермахера и Ф. Векслером и П. Штайном в контексте анализа связи религии и образования в концепции образования Э. Дюркгейма.

Первый принцип, высказанный Ф. Шлейермахером, который можно назвать принципом «самодостаточной этнокультурной идентичности», гласит: «Наука достигает единства в пределах национального языка, который образует закрытую тотальность внутри более широкой тотальности абсолютного знания. Поэтому наука основывается на исторической этничности, а не на целиком рациональной и абстрактной идее народа как чистой воли» [3, с. 110].

Второй принцип, найденный Э. Дюркгеймом, можно назвать «принципом святости образования». Это принцип сформулирован Ф. Векслером и П. Штайном следующим образом: «Образование – суть преобразованная религия: так же, как религия “привносит священное в реальную жизнь” с целью создания социального идеала, так же образование привносит образ высшего, универсального сознания, “главную цель морального поведения”» [1, с. 71].

Интеллектуализация образовательного пространства – это проблема, которая, на первый взгляд, кажется надуманной. В жизни этот процесс кажется само собой разумеющимся, объективным. Однако классические традиции образования могут сохраняться только тогда, когда вокруг воспроизводятся устойчивые традиции восприятия социокультурной, человеческой и природной реальности. Когда же диагностика социума твердит о том, что вокруг все подчинено эрзац-культуре, а полифония классического диалога классического университета заменена шумом и монологом чиновника, тогда стоит задуматься над тем, с чем мы имеем дело в современном образовательном пространстве?

Начнем с идеальных моделей интеллектуализации образовательного пространства. Точнее даже не с модели, а с описания реального процесса, занимавшего не одно столетие. Интеллектуализация образовательного пространства как реальный процесс воспринимается как встреча поколений преподавателей, предвидевших будущее в своих изысканиях, и учащихся, это будущее реально проживающих. В настоящем их изыскания получили реальное выражение в курсах лекций, семинарах и практических разработках, а их преподавательская деятельность нацелена на продолжение решения проблем в контексте рекрутирования преемников из студенчества с одной стороны, и практического применения их знаний в обыденной жизни – с другой. И никаких инструкций в рамках классической интеллектуализации образовательной среды нет, как нет и тех, кто следит за их исполнением. Говоря словами Р. Мертона, классическая интеллектуализация образовательного пространства творит «независимых интеллектуалов». Если пойти дальше, то в контексте нашей статьи необходимо говорить о независимых интеллектуалах, обеспечивающих национальную безопасность.

Вообще, самым важным свойством независимого интеллектуала является то, что он длит познание, совершает научные революции и создает научные школы тогда, когда кризисная ситуация еще не наступила. Его изображение ее решения в условиях ее отсутствия и есть искомая главенствующая роль интеллектуала в образовательном пространстве подлинной интеллектуализации. Для него все исследование, все производство проблем, которые решаются в пространстве культуры воссозданием идеалов и следование им свободно, безнадзорно и более того политически нейтрально, а социально ответственно. «Сотворение будущего сейчас» и есть смысл интеллектуализации образовательного пространства в любом вузе.

Возможно, здесь уместно возражение в том, что независимый интеллектуал творит гениев, независимых интеллектуалов. А как же быть с теми, кто будет исполнять рутинную работу? Кто будет творить «среднего человека», интеллигента, чиновника? Сам студент или курсант, который выберет себе предсказуемость социальной среды, зависимость и карьеру. Более того, он будет находиться на более высоком уровне среднего человека, чтобы понимать, что такое подлинная интеллектуализация образовательного пространства и недопустимость ее симуляции.

Таким образом выглядит подлинная интеллектуализация образовательного пространства при условии отсутствия сиюминутной оценки уровня подготовленности специалиста – с одной стороны, и симуляции интеллектуализации образовательного пространства – с другой. Заметим, что это было, и надеемся, будет, но этого нет сейчас. А сейчас есть наукометрия, симуляция интеллектуализации образовательного пространства и оценка уровня компетентности, производимая сиюминутно после окончания вуза. И в итоге приговор о том, что уровень подготовки низок, опасно низок и образование требует реформ. Суть этих реформ заключается в том, чтобы найти виновных и наказать путем создания условий невозможности осуществления ими деятельности подлинно интеллектуальной, независимой.

Следует заметить, что у такой деятельности есть свои сторонники внутри образовательной среды и выходят они из тех самых интеллигентов середнячков, которые сумели обмануть интеллектуалов и стать агентами социализации в пространстве вузов. Эти квазиинтеллектуалы имеют все необходимые показатели соответствия потребностям современной эпохи и охотно идут на сотрудничество с реформаторами образования. Сокращение времени на творчество, его симуляция, доксография и необходимы квазиинтеллектуалам для изгнания тех, кто поступает и мыслит иначе в рамках классической традиции. Более того, они жаждут инструкций проверок и линейного развития для того, чтобы стать проверяющим, инструктирующим и прекратить эту бесконечную деятельность по решению надоедливых проблем. «Если симуляцию можно посчитать, то это уже не симуляция, а рабочие места» – таков императив реформаторов образования. Ведь если можно посчитать, то можно и сократить, сократить неугодных независимых интеллектуалов, выпавших из времени. «Факультет ненужных вещей», к сожалению, явление реальное, а не призрак прошлого. И причина данного явления состоит в непонимании того, что будет завтра?

Национальная безопасность требует того, чтобы с одной стороны, перекрывались социальные лифты тем, кто занят симуляцией, а с другой – актуализировался нормальный научный поиск. Однако, такое положение может быть достигнуто, если признать некоторые социальные закономерности вызвавшие симулякр интеллектуализации образовательного пространства. К этим закономерностям относится ельцинская революция 1991 года и все социальные кризисы, которые она вызвала. Иллюзия того, что эти процессы по времени произошли чуть позже, не должна заслонять того, чем они были вызваны.

Стремительное обнищание высшей школы, ее коммерциализация привели к тому, что многие интеллектуальные традиции были просто утеряны, а миф о некачественном образовании был внедрен в умы чиновников различными фондами типа Сороса. Выживание науки в высшей школе приводило к тому, что возник и распространился феномен «научного вундеркинда», когда гуманитарные и социальные науки стали плодить молодых докторов наук, социальная мобильность которых резко снижалась после защиты, а вот властные амбиции росли вверх. Полагаем, что данная когорта снизила существенно уровень академической культуры и интеллектуализации образовательного пространства. К сожалению, образовательное пространство вузов МВД этого не избежало.

Вторым фактором, вызвавшим симуляцию интеллектуализации, следует считать то, что ученая степень для многих чиновников превратилась в фактор карьерного роста или сохранения в системе образования. Поэтому люди, не имеющие отношения к интеллектуализации образовательного пространства в силу чиновничьего дискурса, на сегодняшний день занимают в ней ведущие позиции. Это опасно, ибо их приспособляемость служит дурным примером для молодых поколений.

Третьим фактором следует считать процесс увеличения количества надзирающих органов и процедур, которые были внедрены в качестве оптимизирующих процессы интеллектуализации образовательного пространства, а на самом деле отрывали и продолжают отрывать время у преподавателей интеллектуалов, но позволяющие выживать квазиинтеллектуалам. Ведь для них инструкции это смысл деятельности. Иными словами, недоверие есть благодатная среда для размножения квазиинтеллектуалов. Более того, для них высшие нормы нагрузки не столь трудны, ибо они не переживают по поводу того, как сделать преподавание более эффективным.

Выводы

Если говорить о симуляции интеллектуализации образовательного пространства с позиции внешней среды, то необходимо отметить, что глобализация систем образования тоже накладывает свой отпечаток. Болонское соглашение выступает одним из примеров, когда без учета социокультурных особенностей вузовской среды и научного творчества производится сравнение и выстраиваются иерархические структуры. Уже очевидно, что интеллектуалы, запаздывая с защитой собственной традиции, не смогли понять, чего их лишают реформы? А лишают, как оказалось, главного. Практики самостоятельной выработки идеалов образовательной среды и определения стратегии развития. Копирование, копирование с копии, и в итоге бледный оригинал. А дальше квазиинтеллектуализация образовательной деятельности студента.

Различие между интеллектуалом и квазиинтеллектуалом, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета состоит в том, что последний всегда «в форме», для него «быть в форме – значит никогда ни к чему не утрачивать интереса. Это – отсутствие интереса, «как-нибудь само», «все равно», «примерно так», «какая разница!» – и есть пошлость» [2, с. 21]. Эта пошлость и есть симулякр, который свидетельствует об утрате подлинной традиции интеллектуализации.

Список источников

1. Горбунова Е.М. Дюркгейм и современное образование // Социологическое обозрение 2002, Т. 2. № 4. С. 65–71.
2. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / Пер. с исп. М.Н. Голубевой; ред. пер. А.М. Корбут; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2005. 104 с.
3. Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

References

1. Gorbunova E.M. Durkheim and modern education // Sociological Review. 2002. Volume 2. No. 4. P. 65–71.
2. Ortega y Gasset J. Mission of the University / Trans. from Spanish M.N. Golubeva; ed. translation by A.M. Korbut; under total. ed. M.A. Gusakovsky. Mn., 2005. 104 p.
3. Readings B. University in ruins / Trans. from English A.M. Korbut. M.: Ed. House of the State University – Higher School of Economics, 2010. 304 p.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 25.01.2022.

The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 25.01.2022.